

Ирина Викторовна Надолинская

Институт развития образования, доцент кафедры общественно-гуманитарного образования,
Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: riacro@rostobr.ru

К анализу стратегий бегства от скуки человека в эпоху Модерна

Аннотация. Современная цивилизация, освободив человека от многих видов тяжелой, монотонной, рутинной деятельности, расширила время досуга. Досуг перестает быть привилегией элиты и дает возможность каждому человеку расширить свои жизненные горизонты, приобщиться к наследию мировой культуры. Вместе с тем это порождает скуку, ставшую неотъемлемой частью жизни современного человека. При этом смысловое наполнение концепта «скука» различно в каждую историческую эпоху. Если для обществ традиционного типа скука носила бытовой, ситуативный характер, то для культуры эпохи Модерна социокультурным феноменом становится экзистенциальная скука.

Ключевые слова: ситуативная скука, экзистенциальная скука, бегство от скуки, стратегии бегства от скуки, убийство времени.

Irina V. Nadolinskaya

Institute of Education Development, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Education,
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: riacro@rostobr.ru

On the Analysis of Strategies for Escaping Human Boredom in the Modern Era

Abstract. Modern civilisation, having freed man from many types of heavy, monotonous, routine activities, has expanded leisure time. Leisure ceases to be a privilege of the elite and gives each person the opportunity to expand their life horizons, to join the heritage of world culture. At the same time, this gives rise to boredom, which has become an integral part of the life of a modern person. At the same time, the semantic content of the concept of "boredom" is different in each historical era. If for societies of the traditional type boredom was of an everyday, situational nature, then for the culture of the era of modernity, existential boredom becomes a sociocultural phenomenon.

Keywords: situational boredom, existential boredom, escape from boredom, escape strategies from boredom, killing time.

Введение (Introduction)

Скука — социокультурный феномен, имеющий особенности проявления в различные исторические эпохи. Поскольку в жизненном мире человека существенную роль играют «времячувствие» и переживание жизненного пространства, то для каждой исторической эпохи характерен особый *хронотоп скуки*, в этом состоит гипотеза исследования.

Формы скуки, которые анализируются в данной работе, — ситуативная и экзистенциальная скука. Ситуативная скука — это настроение, вызванное разочарованием, пресыщением, духовным опустошением, присуща человеку любой культуры. Экзистенциальная скука «времячувствия» (Хайдеггер) характерна для человека эпохи Модерна. Суть данного глубинного типа скуки определяется незахваченностью жизнью, пустотой бытия человека в социокультурной ситуации Нового времени. Исто-

рический характер имеют и стратегии бегства от скуки. Так, ведущими стратегиями бегства от ситуативной скуки в период Модерна становится «убийство времени» с помощью развлечений и преодоление пространства с помощью путешествий. Стратегия бегства от экзистенциальной скуки заключается для человека эпохи Модерна в подключении к проектам переустройства участия отдельного человека в универсальных проектах перестройки общей жизни, частью которых является преодоление пространства и времени.

Методы (Methods)

В основу исследования положен феноменологический анализ скуки как фундаментального настроения, связанного с «времячувствием», или фундаментальным «отношением ко времени» [1, с. 136]. В статье использована предложен-

ная М. Хайдеггером типология скуки. Философско-антропологический метод был использован при исследовании психофизиологических оснований скуки. Аксиологический и исторический подходы позволили провести анализ скуки как этической категории в разные эпохи. Компаративистский метод применялся для исследования стратегий бегства от различных типов скуки.

Литературный обзор (Literature Review)

Феномен скуки многогранен и исследуется в рамках психологического, педагогического, лингвистического, социологического и философского анализа. Скука осознается как «болезнь века» Блезом Паскалем. В философии Просвещения скука предстает как результат рефлексии мыслящего, просвещенного человека. И. Кант определяет скуку как «деятельное безделье». Бертран Рассел считал, что значение скуки для человеческого поведения недооценено, ей уделено намного меньше внимания, чем она того заслуживает: «Скука — мощная движущая сила во все времена» [2, с. 35]. В философии романтизма она служит маркером избранности гения, осознавшего суетность обыденной жизни, скудного духовного состояния, никчемности существования большинства людей, с одной стороны, с другой стороны, немощи Бытия. По мысли Артура Шопенгауэра, опыт скуки представляет собой одновременно экспликацию особого опыта переживания времени, недоступного в опыте удовольствия или страдания [3, с. 149]. Ницше видел созидательный смысл скуки в возможности обрести подлинное Я и накопить «энергию творчества», мыслителю не следует бояться скуки: «он должен вынести ее, должен переждать в себе ее действие» [4, с. 13]. В философии экзистенциализма скука становится одним из центральных понятий. А. Камю считал, что скука является результатом машинальной жизни, но она же приводит в движение сознание [5].

Современный норвежский автор Ларс Свендсен причину скуки видел не в том, что у человека мало дел и потому он скучает, а в том, что «он ощущает полную бесплодность своих усилий. Именно в этом случае возникает невыносимая тоска» [6, с. 74].

В отечественной науке культурологический подход к феномену скуки реализован в трудах таких отечественных авторов, как Э. Р. Макогон, Е. В. Аригунова, Е. Н. Сороченко, Е. В. Золотухина-Аболина.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

В обществах традиционного типа человек вписан в природные ритмы, время его жизни измеряется трудами и днями, заполнено заботой о хлебе насущном. В религиозном сознании отмеренное человеку время сопряжено с приготовлением к жизни вечной, что придавало каждодневному существованию смысл и цель. Ситуативная скука была неотъемлемой частью жизни человека европейского Средневековья, человек, который ее испытывал, не стремился избежать этого привычного настроения, не подвергал данное настроение рефлексии. Христианские богословы рассматривали скуку в одном смысловом ряду с унынием (акедия). Христианские отшельники и монахи испытывали гнетущее душу состояние уныния, которое Иоанн Лест-

вичник характеризовал как расслабление души, изнеможение ума [7]. Причина такого душевного состояния в унылом однообразии существования и молитвословии, которое доведено до автоматизма, оскуднении духовного напряжения. Для преодоления этого тягостного состояния монахам предписывалось терпение, псалмопение и молитва.

В формирующейся в период раннего Модерна научной картине мира вечность и бесконечность, как атрибуты Бога, переносятся на физическое время и пространство как вместительность всех вещей, процессов и явлений. Бесконечность и вечность времени и пространства несоизмеримы, несопоставимы с предельностью человеческой жизни. Человек из-за фатальной ограниченности своих познавательных способностей не в состоянии постичь ни Вселенную как определенную целостность, ни каждую отдельную вещь в ней. С усложнением социальной ткани и ростом рефлексии усложняется эмоциональная организация человека, в структуру которой входит и мучительное переживание пустоты времени, именуемое скукой. Скуку, порожденную бесконечной непостижимостью Бога, как «болезнь века», Блез Паскаль считал неотъемлемой частью самого существования человека. Распространение скуки явилось следствием секуляризации времени и выразилось в отрыве времени повседневной жизни человека от сакрального времени, в котором человек попадает в точку сингулярности, переносящую его мгновенно к бесконечности Божественного мира. «Всего невыносимее для человека, — писал Паскаль, — это полный покой, без страсти, без дела, без развлечения. Он чувствует тогда свое ничтожество, свое несовершенство, свою зависимость, немощь, пустоту. Немедленно из глубины души поднимается скука, мрак, горечь, печаль, отчаяние» [8, с. 109].

В XVIII — первой половине XIX в. европейские медики, богословы, философы и писатели также называли скуку «болезнью века» и определяли ее как время праздного существования, своего рода аристократическую болезнь.

Скука представителей праздного класса являлась следствием, с одной стороны, пресыщения, а с другой стороны — бесцельности неумной погони за фантомами суетного мира. В философии романтизма гений, герой противопоставляется серой массе людишек, обывателей, филистеров. В романтической бинарной картине мира различаются два типа скуки: с одной стороны, скука повседневности, в которую погружен обычный человек, который влачит унылые серые будни, забыв о высоких порывах души. С другой стороны, скука — стигмат исключительности творца, «томимого сердечной пустотой», «одна из принадлежностей мыслящего существа» [9]. Гений — демиург собственной вселенной, он не может сотворить своего Другого, он обречен на полное одиночество, порождающее не просто скуку, а скуку смертную. Более поверхностный, игровой характер носит дендистская «скука» и пресыщенность, которые имеют демонстративный характер. Изображение скуки — симулякр, он не скрывает ни подлинной глубины отчаяния, ни разочарованности в жизни. Это маска, за которой нет лица. В кодексе светского поведения скучающий взгляд считался приметой изысканности и благородства [10]. Человек пресыщенный, всем овладевший и все познавший,

не может не скучать. Скука светского тщеславия имеет своим источником сердечную апатию, интеллектуальную мертвенность, педантизм.

В XIX в. ситуативная скука перестает быть маркером принадлежности к элите, мыслящей или правящей. Она входит в эмоциональную сферу городских обывателей, для которых досуговое время становится все более и более важной частью существования. Развитие промышленности, совершенствование разделения и организации труда разрушили монополию характерного для традиционных обществ единого временного цикла чередования труда и отдыха, стимулировали разграничение этих двух сфер, способствовали появлению так называемого праздного, досугового времени. Досуг коммерциализируется — множатся массовые платные развлечения, увеличивается их многообразие и доступность. Ситуативная, банальная скука, связанная с расширением досуга, становится массовым социокультурным явлением, множатся способы *убивания времени*. Толпа, заполняющая открывающиеся бульварные театры, казино, скачки, кабаре, кафешантаны, становится аудиторией массовых зрелищ. Типичным для французской культуры Нового времени становится бульвардье — праздный прожигатель жизни. Одной из стратегий бегства от скуки становятся доступные толпе развлечения, которые дают иллюзию счастья. А. Шопенгауэр писал о том, что, получая удовольствие, человек не приобретает ничего, кроме ощущения отсутствующего страдания и надвигающейся пустоты, в этом моменте опустошенного «сейчас» он уже в шаге от скуки, что вынуждает его обратиться к поиску новых удовольствий [3, с. 148]. «Разделение труда и развлечений лишает существование его возможного веса; публичное становится материалом для развлечения, частное — чередованием возбуждения и утомления и жаждой нового, неисчерпаемый поток которого быстро предается забвению; здесь нет длительности, это — только времяпровождение» [11, с. 309].

Для человека эпохи Модерна мир неожиданно вырос, а близость дальнего, доступность недоступного фантастически раздвинула жизненный горизонт каждого человека [12].

Стратегией бегства от скуки, порожденной отсутствием новых ярких впечатлений из-за монотонности жизни, в XIX в. становятся массовые путешествия, которые дают возможность выхода из рутины повседневности за рамки привычного жизненного пространства. Эта растущая потребность в преодолении скуки повседневного существования с помощью калейдоскопической смены впечатлений во время путешествий удовлетворяется в результате революции в области транспортных сообщений. Начинается эра массового туризма. Пространство теперь не прорабатывается человеком-тружеником, не исхаживается паломниками, пилигримами с помощью новейших транспортных средств, но «проглатывается», съедается, как шагреновая кожа. На смену секретам частной жизни, которые стремятся сохранить, приходит поглощение долготой и широтой. «Путешествуя, мы стремимся... к постепенной экстерриториализации, к тому, чтобы возложить ответственность на само путешествие, т. е. на нечто отсутствующее» [13, с. 220], поэтому Бодрийяр

считает, что путешествие — это обман, к которому все мы приноровились в наибольшей степени.

Но если ситуативная скука преодолевается с помощью развлечений и путешествий, то глубинную скуку, связанную с потерей цели и смысла жизни, человек эпохи Модерна стремится преодолеть с помощью *стратегии сопричастности* общему делу, которое раскрывает горизонты индивидуального существования, раздвигает временные рамки существования, делая человека сопричастным истории. Эрик Хоффер писал, что, когда наши личные интересы, наши планы на будущее перестают нам казаться стоящими того, чтобы жить ради них, мы начинаем остро нуждаться в чем-то таком, что лежит вне нас и ради чего стоило бы жить [14].

Отсутствие великой цели, сплачивающей нацию, порождает общественную скуку. Раймунд Претцель — эмигрант из нацистской Германии, взявший псевдоним Себастьян Хафнер, в «Истории одного немца» писал о поколении немцев, родившихся в 1890-е и 1900-е годы, причисленном к тому, что все содержание жизни можно получать в общественной сфере: «Немцы так и не научились... делать свою маленькую, частную, личную жизнь великой, прекрасной, напряженной; не научились наслаждаться этой жизнью и делать ее интересной. Поэтому они восприняли спад социального напряжения и возвращение личной свободы не как дар, но как потерю. Немцы заскучали; со скуки в их головы начали приходить идиотские идеи...» [15]

Уловив настроения общественной скуки, охватившей немецкую нацию, Гитлер утверждал, что немецкая душа разлагается. Линяет и фрагментируется на глазах. Тот, кто на фронте был героем, заслуживающим восхищение и уважение командования, в мирной жизни — никчемный пошляк и гнилой бургер, готовый удавиться за пфеннинг [16, с. 59].

В участии в проекте переустройства всего строя жизни многие европейские интеллектуалы увидели единственное средство стать частью истории, вырваться из оков повседневных бытовых забот.

Так, в 1898 г. Испания, находясь в состоянии исторического выбора, общенационального кризиса в контексте поиска национальной идентичности, осмысливала (переживала) окончательный крах своего былого величия. Переживания «поколения 1898 г.» выразил испанский философ Мигель де Унамуно в словах «У меня болит Испания». Сопричастие исторической миссии «испанидад» сформулировал в 1930-х гг. философ Рамиро де Маэсту. «Защита Испанидад» стала одной из культовых книг франкистского режима [17].

В российской культуре осуждения мещанства, понимаемого не в социологическом, а в нравственном смысле, неприятие буржуазности привело радикальную интеллигенцию, по своей сути, к религиозной идее построения Иного мира. Российская интеллигенция, с ее бескомпромиссной нацеленностью на противостояние власти, наивно поверила очередному европейскому мыслителю, приняв его идеи как руководство к действию. Приватное, частное существование «скучных людей» было разрушено до основания в годы революции и гражданской войны. Идеалом советского человека становится энтузиаст, «...положительно ищущий, за что бы пострадать, за что бы отдать свою жизнь» [18].

Настроение скуки стало массовым настроением эпохи застоя вследствие перенапряжения сил, усталости и разочарования, утраты веры и надежды в советский проект общественного переустройства.

Заключение (Conclusion)

Проделанный анализ позволяет сделать вывод о том, что скука является реакцией на преследующее человека Нового времени чувство внутренней пустоты, порожденное утратой связи между мирским и сакральным временем.

Ситуативная скука как пустое, ничем не заполненное или нерационально потраченное время, характерная прежде всего для представителей праздного класса, становится достоянием более широких слоев городско-

го населения. Стратегии бегства от ситуативной скуки — становящиеся разнообразными, массовые платные развлечения, представляющие способ «убийства времени», и путешествия, выводящие человека за рамки привычного жизненного пространства. Иной глубинный характер имеет для человека эпохи Модерна экзистенциальная скука, связанная с переживанием ничтожности и никчемности самого существования, преодолеть которое человек эпохи Модерна стремится с помощью стратегии сопричастности. Превращаясь в общественный феномен, глубинная скука становится настроением большого количества людей, которые оказываются восприимчивы к предлагаемым активным меньшинством проектам переустройства миропорядка.

Библиографический список

1. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир — Конечность — Одиночество / пер. с нем. В. В. Бибихина, А. В. Ахутина, А. П. Шурбелева. СПб. : Владимир Даль, 2013. 591 с.
2. Рассел Б. Завоевание счастья. М. : АСТ, 2021. 256 с.
3. Корниенко А. Г. А. Шопенгауэр и М. Хайдеггер о феномене скуки: сравнительный анализ // Манускрипт. 2019. № 12, вып. 10. С. 147–152. Электрон. версия. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_2618-9690_2019_10_28.pdf (дата обращения: 26.02.2024).
4. Королькова А. А. Историко-философский анализ скуки // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 4. С. 6–14.
5. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. 1941. Электрон. версия. URL: <https://nv-shulenina.narod.ru/kamumyth.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).
6. Свендсен Л. Философия скуки / пер. с норв. К. Мурадян. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 256 с.
7. Иоанн Лествичник. Об унынии и лености (текст) // Центр христианской психологии и антропологии : [сайт]. 2013. 20 февр. URL: https://хра-spb.ru/libr/_loann-Lestvichnik/13-ob-unynii.html?ysclid=ls5vo9tinn90320895 (дата обращения: 26.02.2024).
8. Паскаль Б. Мысли / пер. с фр. М. : REFL-book, 1994. 528 с. Электрон. версия. URL: https://imwerden.de/pdf/pascal_mysli.pdf (дата обращения: 26.02.2024).
9. Пушкин А. С. Из письма К. Ф. Рылееву // Theocrat : [сайт]. URL: <https://theocrat.ru/short-quotes/content-63658/> (дата обращения: 26.02.2024).
10. Чеснокова Л. В. Скука, тоска, хандра в русской картине мира // Культура. Духовность. Общество. 2012. № 1. С. 167–176. Электрон. версия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skuka-toska-handra-emotsiya-pechali-v-russkoj-kartine-mira?ys> (дата обращения: 26.02.2024).
11. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Республика, 1994. С. 288–419.
12. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. : АСТ, 2001. 509 с.
13. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет : КДУ, 2009. 257 с.
14. Хоффер Э. Истинноверующий. Мысли о природе массовых движений // Корни : [сайт]. URL: <https://evolkov.net/cults/books/Hoffer.E/True.Believer.ch.02.html#gsc.tab=0> (дата обращения: 26.02.2024).
15. Хафнер С. История одного немца. Частный человек против тысячелетнего рейха. СПб. : Изд-во И. Лимбаха, 2018. Электрон. версия. URL: <https://iknigi.net/avtor-sebastyan-hafner/212340-istoriya-odnogo-nemca-chastnyy-chelovek-protiv-tysyacheletnego-reyha-sebastyan-hafner/read/page-5.html> (дата обращения: 26.02.2024).
16. Короткий Г. А. Гитлер, интеллектуалы и массы // Философия и культура. 2017. № 6. С. 56–80.
17. Ягодкин А. А. Рамиро де Маэсту: «Испания — дуб, обвитый плющом» // RELGA : электрон. журнал. 2016. № 04 (307). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=4573&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 26.02.2024).
18. Гиренок Ф. Преодолеть интеллигенцию // Газета «Культура» : [сайт]. 2016. 19 нояб. URL: <https://portal-kultura.ru/svoy/articles/filosof-o-filosofe/141908-preodolet-intelligentsiyu/?ysclid=ls63356q25900316692> (дата обращения: 26.02.2024).